

В последующие дни Тун'эр каждый день поднималась на гору.

Когда буддийские монахини в монастыре заметили, что Тун'эр стала выходить чаще, чем раньше, они тайно следовали за ней, но не нашли ничего необычного. Тун'эр действительно приложила много усилий, чтобы представить всё, как поход за дровами.

Буддийские монахини знали, что Цзян Ли использовала сорок связок медных монет, чтобы купить корзину, полную пирожных. Когда Цзян Ли выходила из своей комнаты, она слышала насмешки буддийских монахинь. Всякий раз, когда девушка слышала, как они смеются над ней, вместо того чтобы рассердиться, она смотрела на них и улыбалась. Через несколько раз буддийские монахини заскучали и больше ничего не говорили.

Каждый вечер Тун'эр уходила в час свиньи и тайком возвращалась в час крысы (1). Благодаря своим уму и хитрости ей удалось без помех избежать встречи с буддистскими монахинями. Всякий раз, когда она выходила, Цзян Ли ждала её возвращения в убогой комнате. Ничего не поделав, но ждать в течение длительного периода было бы очень скучно. Более того, в этом монастыре не было никаких книг, а у Цзян Ли не было ни пера, ни бумаги. Однако после того, как она проснулась, девушка больше не шила подошвы обуви днём и ночью. Просто сидела спокойно, и никто не знал, о чём она думает.

Но как долго могут длиться такие тихие дни? Возможно, никто не мог видеть, как хозяйка и слуга мирно проводят дни, поэтому старшая монахиня Цзин Ань начала намеренно усложнять им жизнь. Например, ежедневные порции каши были не только водянистыми, но и выглядели так, как будто кто-то уже ел из них раньше, оставляя только объедки.

- Юная Госпожа, в наше время они становятся все более и более беспардонными, - с ненавистью сказала Тун'эр. - За всем этим, должно быть, стоит работа той, кого зовут Цзи!

В настоящее время Тун'эр называла первую жену главного помощника "той, кого зовут Цзи". Можно предположить, что вторая Юная Госпожа Цзян должна была молчаливо одобрить это прозвище. Цзян Ли не чувствовала, что здесь что-то не так. Поначалу все думали, что она вот-вот умрёт. В любом случае, сердце Цзи Шужань должно было быть спокойным. Кто бы мог подумать, что ей удастся остаться в живых? Её характер тоже стал лучше. Видя, как она счастливо живет, Цзи Шужань, должно быть, почувствовала себя неловко. Конечно, она потребовала бы, чтобы старшая монахиня Цзин Ань сделала жизнь Цзян Ли некомфортной.

Для главной монахини Цзин Ань было невозможно бить и ругать Цзян Ли. Однако, что касается обращения с юной госпожой, едва достигшей брачного возраста, можно было не позволять ей есть досыта и одеваться достаточно тепло, чтобы заставить девушку чувствовать себя упавшей с неба на землю и позорить её, этого было бы достаточно, чтобы заставить её страдать. Какая жалость, что она не была настоящей второй молодой госпожой Цзян. Не говоря уже о еде и горьких страданиях, её жизнь уже достигла самой низкой точки. По сравнению с настоящей второй молодой Госпожой Цзян, эти дни были намного лучше.

Преодолев ту ситуацию в своей прошлой жизни, а теперь прийти к своему нынешнему опыту,

Цзян Ли даже не чувствовала, что её жизнь трудна.

Шли дни, и вот уже наступил пятнадцатый день пятого месяца, а корзина с пирожками была уже пуста. Тун'эр осторожно провела по стенкам корзины деревянной ложкой, собирая крошки от пирожных в небольшое блюдо. Она сказала Цзян Ли:

- Юная Госпожа, сначала съешьте это, чтобы наполнить свой желудок.

Прошли сутки, как они ничего не ели. Вчера буддистская монахиня монастыря намеренно разбила тарелку с жидким отваром, который принесла, и на кухне не было никакой другой оставшейся еды. Оставшаяся выпечка была использована, чтобы накормить обезьян в лесу позади храма Хэ Лин. В этот момент у обеих женщин от голода заурчало в животе.

Цзян Ли подняла голову и повернулась лицом к открытому окну. Хотя на вершине горы было гораздо холоднее, чем у подножия горы, но лето было уже близко. Дневной свет явно растянулся еще больше. В этот момент солнце уже почти село. Сколько бы времени это ни заняло, в конце концов, всегда наступала ночь. Она сказала:

- Я не хочу, почему бы тебе не съесть это.

Тун'эр уставилась на крошки пирожных и сглотнула слюну. Покачивая головой, она сказала:

- Если Юная Госпожа не ест, то Тун'эр тоже не будет есть.

- На самом деле, это не имеет значения, мы сможем заказать хорошую еду позже, - Цзян Ли улыбнулась.

Тун'эр это ещё больше не убедило.

Цзян Ли встала, подошла к углу комнаты, где стоял большой деревянный сундук, и открыла его. Такой огромный сундук, но содержимое внутри было жалким. Там было только несколько частей пожелтевшей одежды, не заполняющих даже половину сундука. Это было именно то, что Цзян Ли принесла из Яньцзина, когда прибыла в монастырь шесть лет назад, все её вещи. Возможно, содержимое внутри сундука было также несколько ценным и раньше. Однако прошло уже шесть лет, и то, что его продержали так долго, неизбежно привело к некоторому пожелтению на одежде.

Тун'эр тоже подошла к ней. Цзян Ли пошевелила одежду обеими руками. Внутри нашлась буддийская одежда.

Очевидно, одежды, сделанной из хороших материалов внутри деревянного сундука, там больше не было. Остались только эти вещи, сделанные из не очень хороших материалов. И теперь, шесть лет спустя, вторая госпожа Цзян стала выше ростом, эта одежда больше не подходила

для неё. Люди в монастыре, естественно, не позволили бы Цзян Ли сделать новую одежду. Каждый день Цзян Ли носила одежду, которая уже была слишком короткой для неё. Эта единственная буддийская одежда была дана Цзян Ли в этом году около Китайского Нового года, когда молодая буддийская монахиня покидала монастырь, чтобы вернуться к нормальной жизни. Как оказалось, рост молодой монахини мало чем отличался от её собственного.

Обычно Вторая Госпожа Цзян никогда не носила бы эту буддийскую ткань. По-видимому, для того, чтобы таким образом убедить себя, что, хотя она и была здесь, она отличалась от буддийских монахинь. Настанет день, когда она вернётся в Яньцзин, чтобы стать юной госпожой семьи Цзян. Но на этот раз у Цзян Ли не было другого выбора, кроме как надеть эту буддийскую одежду, поскольку она собиралась встретиться с некоторыми людьми сегодня вечером. Облачиться в слишком короткую одежду и появляться перед людьми в таком виде было бы неуместно и показало бы, что у неё нет хороших манер.

---

1. Древняя китайская система времени делит каждый двадцатичетырёхчасовой день на двенадцать двухчасовых периодов (называемых шичэнь 子時). Каждый период представлен определённым животным знаком в китайском зодиаке. В этом случае час свиньи – это период с девяти до одиннадцати вечера, а час крысы – это период с одиннадцати вечера до часа ночи.

<http://tl.rulate.ru/book/25475/742729>